

А.В. АДО: НАУЧНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

Д.Ю. Бовыкин

Анатолия Васильевича Адо нет нужды представлять читателям «Французского ежегодника». Профессор Московского университета, известный франковед (а в конце своей научной карьеры и признанный лидер отечественной историографии Французской революции XVIII века), автор ставшей уже классической работы о французском крестьянстве революционной эпохи¹ – все эти его ипостаси не только хорошо известны, но и стали за последние годы сюжетом ряда статей². Имя Адо был отлично знакомо и зарубежным коллегам: его статьи публиковались во Франции, Италии, США, Германии, Португалии. Более того, в свое время рецензия А. Собуля на его монографию³ вызвала у специалистов не только немалый интерес, но и желание перевести книгу А.В. на европейские языки. Ко второй половине 1990-х годов, после долгих перипетий, эта работа была завершена⁴, и историки, не владеющие русским языком, получили, наконец, возможность ознакомиться с его трудом и его концепцией в полном объеме.

Именно поэтому я предпочел бы сосредоточиться в данной статье не на взглядах Адо на историю крестьянства в годы Революции, а на его научной эволюции, благо она имеет, как мне видится, ряд черт,

Дмитрий Юрьевич Бовыкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

¹ *Адо А.В.* Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. М., 1971. Второе издание, доработанное и дополненное: *Он же.* Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987.

² *Смирнов В.П., Федосова Е.И.* Анатолий Васильевич Адо // Вестник московского университета. Серия 8. История. 1996. № 5 (специальный выпуск, посвященный А.В. Адо); *Смирнов В.П.* Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928–1995) // НиНИ. 1997. № 1; *Он же.* Анатолий Васильевич Адо (1928–1995) // Портреты историков. Время и судьбы. Т. 4. НиНИ. М., 2004. *Smirnov V., Fedosova E.* Hommage à Anatoli Ado // AHRF. 1998. N 311.

³ *Soboul A.* A propos d'une thèse récente. Sur le mouvement paysan dans la révolution française // AHRF. 1973. N 211.

⁴ Французское издание (*Адо А.* Paysans en Révolution. Terre, pouvoir et jacquerie 1789–1794. P., 1996) было подготовлено стараниями многих коллег и друзей А.В., работавших над ним в разные годы (М. Вовеля, Ф. Готье, М. Дориньи и др.) и не увидело бы свет, если бы не подвижничество С. Абердама. Организатором немецкого издания, подготовка которого шла параллельно с французским, был М. Мидделл, еще аспирантом слушавший спецкурс А.В. у себя в Лейпциге и потом стажировавшийся у него в Москве. – *Адо А.* Die Bauern in der Französischen Revolution 1789–1794. Leipzig, 1997.

характерных для историков его поколения. При этом мне представляется предпочтительным избрать отнюдь не сугубо историографический аспект этой эволюции: мы живем, как принято сейчас говорить, в «эпоху перемен» и можно было бы привести куда более яркие случаи, когда марксисты превращались в неистовых антимарксистов, а коммунисты – в убежденных антикоммунистов. Но так уж случилось, что мне довелось написать об Анатолии Васильевиче Адо, который был моим учителем, несколько статей и небольшую книгу⁵. Ее основу составили воспоминания тех, кто его знал, а также дневниковые записи самого Адо и его письма отцу (историку, преподавателю Казанского университета), с которым А.В. постоянно делился тем, что происходило в его жизни.

Все это дало мне редкую возможность увидеть сразу две плоскости восприятия Анатолием Васильевичем Франции, Французской революции, архивного материала, французской историографии. Первая плоскость – научная, а можно без преувеличения сказать, что Адо был одним из лучших советских специалистов по истории Франции XVIII в. и, к тому же, одним из немногих, кто занимался этим сюжетом всю свою жизнь. Но была и вторая плоскость, обычно осознаваемая, но скрытая от глаз – связанная с личным опытом историка, жившего в определенной стране в определенное время. И, соответственно, я получил возможность посмотреть, какое влияние оказывает этот личный опыт на сугубо научные штудии и на рецепцию тех событий, которые происходили два века назад. Этот сюжет мне и хотелось бы кратко затронуть.

Прежде всего, в отличие от многих других своих советских коллег, учителя которых относились еще к старой, дореволюционной профессуре, Адо был учеником Б.Ф. Поршнева⁶ – человека, который «выделялся среди историков знанием марксизма и вкусом к теоретическим обобщениям, а среди специалистов по марксизму – знанием фактов и вкусом к изучению исторических источников»⁷. Тема кандидатской диссертации Адо – «Крестьянское движение во Франции в первые годы Французской буржуазной революции конца XVIII века» – также была подсказана Поршневым и во многом вписывалась в его общие представления о той огромной роли, которую играли в истории народные массы.

⁵ Бовыкин Д.Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007. Выступление в Визиле состоялось еще до того, как книга вышла в свет, и, по большей части, основано на собранном для нее материале.

⁶ Среди последних, весьма любопытных работ о Поршневе см.: Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003; Вите О.Т., Гордон А.В. Борис Федорович Поршнева (1905–1972) // НиНИ. 2006. № 1.

⁷ Вите О.Т. Борис Федорович Поршнева и его критика человеческой истории // ФЕ. 2005. М., 2005. С. 7.

В то же время, и сам Адо изначально формировался как убежденный марксист. Один из коллег даже как-то обмолвился, что в советском франковедении существует единственное капитальное марксистское исследование – это книга Адо. Не все с этим согласятся, но очевидно, на чем основана подобная точка зрения: Адо обрабатывал материал, используя марксистскую (или, точнее, марксистско-ленинскую методологию), а не иллюстрировал, как ряд других советских историков, марксистскую теорию революции фактическим материалом, истолкованным соответствующим образом⁸.

При этом истоки марксизма Адо, как мне видится, лежат не только в том, что марксистами в силу известных причин тогда были все молодые советские историки. Немалый отпечаток накладывала и тематика, которой занимался А.В. Давно уже стала банальной мысль, что в СССР историк Французской революции ощущал себя включенным в мировой революционный процесс, воспринимая Французскую революцию через призму Октябрьской. Более того, как писал Адо отцу уже на излете советской эпохи, советские историки сами чувствовали себя революционерами: «То есть, они субъективно могли не ощущать, – добавлял А.В., – но были обязаны ощущать это – именно потому что были (или обязаны были быть) марксистами – и быть марксистом именно подразумевало понимание революции как высшей ценности – “локомотивы истории”, “решающая роль народных масс”, “насилие – повивальная бабка всякого нового общества”, революционная диктатура – высшая форма революционной политической организации и т.д.»⁹.

Тем не менее, с самого начала Адо стремился в известной степени дистанцироваться от взглядов Поршнева – и по сугубо научным причинам, и потому, что эти взгляды подвергались в конце 1940-х – 1950-е годы очень жесткой критике, в том числе и на страницах партийной печати. «В Институте истории было интересное обсуждение вопроса о периодизации истории СССР, – писал он отцу в декабре 1950 г. – В этой связи были затронуты все последние теорет[ические] статьи Поршнева – по вопросу о классовой борьбе, роли масс в бурж[уазных] рев[олюциях], о гос[ударст]ве; крепко критикуют – основной упрек – отрыв классовой борьбы от мат[ериально]й ее базы, выведение ее в некий

⁸ Об этом см., например: *Чудинов А.В.* Французская революция. История и мифы. М., 2007. Гл. 2. Н.М. Лукин: у истоков советской историографии.

⁹ А.В. Адо – В.И. Адо, 1 сентября 1989 г. – Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета (ОРРК НБЛ КГУ). Фонд 26. Адо Василий Иванович (1905 – 1995). Автор благодарит многих коллег, чьи усилия позволили ему получить доступ к этому еще не разобранному фонду, и в особенности преподавателя Казанского государственного педагогического университета Д.В. Шмелева, взявшего на себя нелегкий труд разобраться в архиве В.И. Адо и перевести в электронный вид часть писем Анатолия Васильевича.

абсолют, имеющий внутреннюю особую логику, независ[имо] от разв[ития] пр[ои]зводительны[х] сил. Думаю, что критика справедлива ...»¹⁰

Сам он никогда не выступал публично против учителя, однако, наблюдая, как Поршнева обвиняли в «вульгарном материализме», «ревизии основных высказываний классиков марксизма-ленинизма о феодализме» и «искажении учения Сталина», Адо не мог не задумываться о том, в какой мере это способно коснуться его самого. «Ведь моя работа, – говорилось его письме отцу, написанном в 1953 году, – как мне думается, теоретически беспорна – ведь любой историк-марксист знает, что думали классики марксизма о роли кр[естьян]ст[ва] именно во Фр[анцузской] Бурж[уазной] Рев[олюции] – и его отношении с бурж[уазией] именно в этой револ[юции]; под влиянием ошибок Б.Ф. я был очень недолго на V к[урсе] [...] Мне важно постараться сохранить научную самостоятельность в теоретических посылках своей работы...»¹¹

Научную самостоятельность Адо действительно сохранил – и не только в плане соблюдения весьма значительной дистанции от взглядов учителя. В своей монографии он полемизировал и с двумя другими концепциями: с одной стороны, с мыслями Жоржа Лефевра об «автономной крестьянской революции», согласно которой капиталистическая эволюция сельской Франции в XIX в. была довольно медленной из-за перераспределения в ходе Революции земли в пользу крестьянства, а с другой – с идеями ряда англо-саксонских историков, по мнению которых архаичное крестьянство противостояло модернизации. Его видение сюжета было совершенно иным и основывалось на выводах Маркса и Ленина о том, что радикальное решение аграрного вопроса создает благоприятные условия для дальнейшего развития капитализма.

До французского читателя книга дошла уже в сложившемся, законченном виде, однако до того у нее на русском языке были два издания: в 1971 г., вскоре после того, как Адо защитил докторскую диссертацию, и в 1986 г., уже после начала Перестройки. Сравнение этих двух изданий видится мне весьма любопытным и позволяет получить представление об определенной научной эволюции Адо в тот период. Замечу попутно, что на отдельные аспекты этой эволюции обратили внимание и рецензенты. Так, например, ученица Адо Е.О. Обичкина заметила в своей рецензии, что «общее движение исторической науки [...] потребовало с течением времени корректировки некоторых положений книги, внесения в нее необходимых добавлений, смягчения иных, может быть, чересчур категоричных утверждений».

¹⁰ А.В. Адо – В.И. Адо, 27 декабря 1950 г. – Там же.

¹¹ А.В. Адо – В.И. Адо, 16 февраля 1953 г. – Там же.

Она также подчеркнула, что «выводы А.В. Адо не носят однозначного и категоричного характера. Они, скорее, предлагают направление дальнейшего изучения и осмысления всего комплекса проблем, связанных с большой темой: крестьянство и французская революция. В этом видится печать нового гуманитарного мышления, отличающая второе издание книги»¹².

Если сравнить первое и второе издания книги, то становится заметно, что к опубликованному в 1971 г. достаточно осторожным выводам о том, что «даже на высшем этапе революции пожелания деревенских низов были законодательно санкционированы лишь отчасти» (хотя революция, безусловно, «расширила и укрепила позиции мелкой крестьянской собственности») ¹³, во втором издании добавляется и иное утверждение: «Крупная земельная собственность (наряду с мелкой) осталась одной из основ аграрного строя Франции, при этом в руках крупных владельцев находились обычно земли лучшего качества»¹⁴.

Не менее любопытны и те определенные трансформации, которые претерпело восприятие Адо «феодализма» – термина, ключевого для марксистской концепции смены общественно-экономических формаций¹⁵. Если формулировки выводов, сделанных на этапе первого издания, несут на себе очень значительный отпечаток духа эпохи («Великая французская революция была революцией буржуазной. Она явилась результатом развития капиталистического уклада; она увенчала длительную борьбу буржуазии против феодального порядка»; «Великая французская революция решительно сломала всю феодально-сеньориальную структуру земельной собственности»; главное достижение крестьянского движения в 1789–1793 годах – «полная ликвидация феодальной структуры землевладения»¹⁶), то ко второму изданию при сохранении общей концепции работы все они, тем не менее, были сняты. Если же пойти дальше и сравнить монографию Адо издания 1986 г. с ее переводом на французский, работа над редактированием которого продолжалась до последних дней жизни А.В., то станет видно, что к 1995 г. он стал относиться к привычным некогда терминам еще более осторожно: место словосочетания «феодальные повинности» заняла, например, формулировка «феодальная рента в сеньориальной

¹² НиНИ. 1989. № 2. С. 222, 224.

¹³ Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. С. 400, 411.

¹⁴ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. С. 373.

¹⁵ Подробнее см.: Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // НиНИ. 2007. № 1.

¹⁶ Адо А.В. Крестьянское движение во Франции во время Великой буржуазной революции конца XVIII века. С. 5, 411, 414.

форме»¹⁷, а вместо слов «сохранявшиеся феодальные порядки», автор написал: «то, что осталось от феодального строя»¹⁸.

Отдельного разговора заслуживает восприятие А.В. западной историографии Французской революции. Оно весьма многомерно и неоднозначно, однако в данном случае мне представляется важной возможность проследить его постепенное изменение, поскольку статьи об изучении Революции за рубежом, Адо опубликовал едва ли не на протяжении всей своей научной карьеры, начиная с 1960-х годов¹⁹.

Если взять более ранние работы А.В., то мы увидим, что они, прежде всего, направлены против трудов историков «критического» (или, как его было принято называть в нашей стране вслед за Собоулем, «ревизионистского») направления – А. Коббена, Ф. Фюре, Д. Рише. В статьях А.В. отмечалось, что книги «ревизионистов» «представляют собой откровенный и воинствующий вызов»²⁰ марксистской историографии. Адо протестовал против отрицания этими исследователями того исторического значения Французской революции, какое ей приписывала «классическая» (либеральная и социалистическая) историография, против их попытки «отказаться от истолкования Великой французской революции как буржуазной и антифеодальной, явившейся закономерным результатом социально-экономических перемен и ставшей необходимым рубежом в процессе утверждения буржуазного капиталистического порядка»²¹.

Стремление толковать феодализм преимущественно как систему феодально-вассальных институтов (что влекло за собой утверждение о его отсутствии во Франции XVIII в.), концепция «революции элит», идея об автономной крестьянской революции, направленной против обуржуазивающейся сеньории, отказ видеть в якобинской диктатуре кульминацию Революции – все это вызывало у Адо отторжение. И, наконец, одна из его статей завершалась весьма характерной цитатой из работы другого известного советского историка, А.З. Манфреда, которая, по мнению Адо, «точно отражает реальное положение дел»: «Стрелы, направленные против Французской революции XVIII в., целят

¹⁷ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. С. 357; Адо А. Paysans en Révolution. P. 431.

¹⁸ Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. С. 360; Адо А. Paysans en Révolution. P. 435.

¹⁹ См., например: Адо А.В. Французские историки о перспективах развития исторической науки // ВИ. 1960. № 8; *Он же*. Французская буржуазная революция и современная идеологическая борьба // ВИ. 1973. № 5; *Он же*. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики // НиНИ. 1981. № 3. См. также написанные Адо главы в: Историография нового времени стран Европы и Америки. М., 1990.

²⁰ Адо А.В. Французская буржуазная революция конца XVIII в. и ее современные критики. С. 45.

²¹ Там же.

дальше, – это стрелы и против Великой Октябрьской социалистической революции»²².

К концу 1980-х годов историографическая ситуация виделась Адо уже в значительной степени по-иному. На «круглом столе», состоявшемся в мае 1988 г. в Институте всеобщей истории РАН и приуроченном к 200-летию революции, А.В. отмечал²³, что «в марксистской историографии уже ряд лет существует потребность в новом осмыслении целого ряда проблем истории Французской революции, в поисках новых подходов, обновлении проблематики, пересмотре некоторых схем». Видно по этому выступлению и существенное изменение его отношения к западной немарксистской историографии. Оговорив, что в построениях тех историков, которые ставили под сомнение «классическую» интерпретацию революции, налицо отчетливая идеологическая тенденция, А.В. признавал:

«Естественно, что в наших критических выступлениях мы также акцентировали эту идеологическую направленность спора. Но в ходе этих дискуссий были поставлены – в том числе и нашими оппонентами – и реальные научные проблемы, которые не могут быть просто отброшены, а требуют критического осмысления и учета в нашей работе».

Касаясь на «круглом столе» тех же проблем, что и раньше – в частности вопроса о феодализме – Адо во многом давал им иную оценку. Он критиковал линейное видение Революции «в качестве демиурга новой общественно-экономической системы» и полемизировал со словами М. Вовеля: «В оригинальной форме французская революция совершает переход от одного способа производства к другому, от того, что мы называем феодализмом, к капитализму и либеральному буржуазному обществу»²⁴. Адо виделось, что марксистская трактовка общественного строя предреволюционной Франции «не свободна от упрощений». «Исследования последних десятилетий, – отмечал он, – относительно реального веса феодально-сеньориального вычета из крестьянского дохода в различных районах Франции, о месте его в структуре доходов сеньориального класса, о характере использования им земель домена показывают гораздо более сложную картину, чем это представлялось еще 15–20 лет назад». Критику Адо в эти годы вызывал и «якобиноцентризм» советской историографии, и те аналогии с Октябрьской революцией, которые были характерны для официальной советской идеологии.

²² Там же. С. 62.

²³ *Адо А.В.* О месте Французской революции конца XVIII века в процессе перехода от феодализма к капитализму во Франции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. М., 1989. С. 7–19.

²⁴ *La France contemporaine. Identité et mutations.* P., 1982. P. 11.

Неминуемо возникает вопрос: каковы причины подобной эволюции научных взглядов Адо? Действительно ли дело здесь исключительно в новых исследованиях, с которыми он внимательно ознакомился? Едва ли, ведь разительный контраст виден не между текстами Адо, скажем, 1968 и 1988 годов, а между временами куда более близкими: первой половиной и концом 1980-х. На мой взгляд, среди причин научной эволюции Адо были не только и не столько научные исследования его коллег, заставлявшие задуматься о полноте и корректности его собственной концепции или же марксистского истолкования Революции в целом. В не меньшей, если не в большей степени на Адо повлияло само то время, в которое он жил – развенчание культа личности Сталина, далекие от идеалов социализма времена Брежнева, распад Советского Союза в эпоху Горбачева.

По его письмам видно, что изначально, в студенческие годы, он искренне принимал господствующую идеологию. «Из наук, которые нам преподают, – признавался он, еще учась на первом курсе, – больше всего мне пока нравятся основы марксизма»²⁵. «Много времени уделяю сейчас повышению политико-теоретического уровня, – рассказывал А.В. в 1949 году. – Изучаю Краткий курс и основные произведения, и чем дальше изучаю, тем больше убеждаюсь в насущной необходимости этого»²⁶. Но и впоследствии Адо никогда не был диссидентом (как не был, он, впрочем, и партийным активистом). Его марксизм не носил конъюнктурного характера, его интерес к трудам Маркса, Энгельса и Ленина видится мне абсолютно искренним. «Тема “Ленин и проблема якобинской диктатуры”, – делился он с отцом в 1981 году, – мне кажется очень удачной, несмотря на свою традиционность. Но только важно решить ее по-современному; не так, как это делал в свое время Н.М. Лукин²⁷ – для того времени это был шаг вперед, сейчас такой подход уже никак не годится, когда ленинские высказывания разных лет, вырванные из контекста, выстраиваются в некоторую систему»²⁸.

Другое дело, что Адо раздражала схоластика, характерная для целого ряда советских научных работ, угнетала необходимость внутренней самоцензуры, пришедшей на смену очень жесткой внешней цензуре времен сталинских идеологических кампаний. Хотя он порой говорил про себя: «Я очень осторожный человек», но эта осторожность во многом была благоприобретенной: друзья заметили, что он сильно изменился после того, как осенью 1957 г. его вызывали на допросы по так называемому делу Краснопевцева – аспиранта исторического

²⁵ А.В. Адо – В.И. Адо, 22 октября 1945 г. – ОРРК НБЛ КГУ. Фонд 26.

²⁶ А.В. Адо – В.И. Адо, 12 октября 1949 г. – Там же.

²⁷ Имеется в виду статья: *Лукин Н.М.* Ленин и проблема якобинской диктатуры // Историк-марксист. 1934. Т. 1 (35).

²⁸ А.В. Адо – В.И. Адо, 8 декабря 1981 г. – Там же.

факультета МГУ, организовавшего в университете политико-просветительский кружок, разгромленный затем властями²⁹. Позднее, во времена Брежнева, Адо как-то сказал одному из коллег, что, по его мнению, социализм не смог решить проблему свободы научного творчества. Многие постулаты, традиционные для советской историографии, постепенно стали казаться А.В. не отвечающими историческим реалиям. В письме отцу в 1989 году он писал, в частности, что ему кажется более разумным не «классовый подход» к истории, а «социальный анализ», что ему видится догматичной традиционная точка отсчета – исходить из задач буржуазной революции. «Здесь опять же телеологические представления, что есть некие “задачи” буржуазной революции, изначально предписанные неким высшим разумом, и странам и народам надлежит эти задачи исполнять, а историкам – следить, как эти задания были выполнены (или не выполнены)»³⁰.

Временем наиболее активной переоценки ценностей стали для Адо последние годы жизни – в особенности годы после падения советской власти и неудавшегося путча 1991 г., когда А.В. окончательно разочаровался в политике и практике коммунистической партии, никак не отмежевываясь от организаторов переворота. Перемены Адо принял, хотя и не без оговорок: «Новые времена, и это хорошо, хоть и тяжелые это времена, и больно за потерянные десятилетия, и грустно, что ни мы, ни наши дети так и не увидим цивилизованной России, дай-то бог, если внуки к старости захватят частичку (и это еще при условии, что растущий агрессивный консерватизм народных масс и аппарата плюс черносотенные силы в псевдоинтеллигенции не растопчут сделанное уже и не вернут нас к худшим временам тоталитарного режима (пусть и косметически приукрашенного)»³¹.

В это же время А.В. становится значительно более открытым для немарксистской западной историографии. Нельзя сказать, что ранее он ее не воспринимал: по крайней мере, с 70-х годов он обязательно требовал от аспирантов читать, наряду с Собулем, Фюре и Рише. Скорее, дело в ином: историки «якобинской» школы были значительно более близки ему и методологически, и чисто по-человечески. А.В. всегда очень высоко отзывался о Собуле и очень ценил то, что тот ввел его во французскую (а точнее, даже международную) научную среду, очень ценил дружбу с К. Мазориком и рядом иных историков. С другими исследователями, хотя они и были хорошо знакомы, таких отношений не сложилось. Адо мог признавать, что их книги заставляют задуматься над некоторыми проблемами, мне рассказывали, что он хвалил Фюре и Рише за демократизм и часто повторял, что совсем иная

²⁹ Подробнее см.: «Дело» молодых историков // ВИ. 1994. № 4.

³⁰ А.В. Адо – В.И. Адо, 1 сентября 1989 г. – ОРК НБЛ КГУ. Фонд 26.

³¹ А.В. Адо – В.И. Адо, 2 декабря 1989 г. – Там же.

атмосфера царила на семинарах у Ролана Мунье, «застегнутого на все пуговицы», но все же это, скорее, сводилось к меткой фразе одной моей коллеги: «Он умел ценить своих противников». Однако в последнее десятилетие своей жизни Адо стал приходить к тому, что Фюре в целом ряде случаев был прав.

На изменение его научных взглядов повлиял и еще один немаловажный фактор: как ранее параллели с Октябрьской революцией стимулировали – и на личном, и на официальном уровне – интерес к революции Французской, так под конец советской власти, а тем более после ее падения стало стремительно нарастать его сомнение в революционных идеалах. Бумеранг вернулся, и вернулся весьма неожиданно. В 1995 году, незадолго до смерти, Адо записал в дневнике свои впечатления от прочитанной книги о Ленине, и в этих размышлениях мне видится квинтэссенция его разочарования в революции и революционерах в целом:

«Читал с увлечением – громадный новый материал. Образ незаурядного, выдающегося политика, но – фанатика утопической идеи – готового ради ее воплощения на любые действия, насилия, расстрелы, ложь; и – мысль, давно у меня бывшая – поразительная безответственность этого “вождя” – бросить Россию в трагедию военного положения, гражданской войны, голода и т. д. – и все во имя осуществления вычитанных им в западной литературе, преимущественно все же у Маркса идей, по-своему препарированных».

И, наконец, последнее соображение: и Анатолий Васильевич, и его отец в свое время проделали значительную эволюцию, во многом характерную для интеллигенции, которой довелось жить при советской власти. Вот только времена, в которые они жили, были, разумеется, разными, и эволюция эта оказалась разнонаправленной. Выйдя из образованной и благополучной семьи, Василий Иванович стал коммунистом, искренне принял идеалы Октябрьской революции, чем, на мой взгляд, во многом объясняется и его непрестанный интерес к революции французской. Сам же А.В. проделал, в известной степени, обратный путь, характерный уже для *его* поколения: будучи в молодости уверен в том, что революция – залог прогресса человечества, он постепенно, на протяжении жизни все больше разочаровывался в коммунистических и революционных идеалах.